

Единственный глаз Цинь Фэйфэна по-прежнему был прикован к лежащему на земле книжнику, но в глубине зрачка плескалось красное — густое, насыщенное отчаяние и беспомощность. Казалось, глядя на книжника, он видел сцену, которую невозможно было вынести. Губы его дрожали.

Не Чэн изо всех сил ущипнул себя. Он понимал, что, пытаясь заставить подсознание Цинь Фэйфэна выдать боевую технику, он, возможно, задел самый болезненный отрезок памяти из того времени, когда тот ещё не потерял память.

Однако у Не Чэна не было времени его успокаивать: вдруг раздался неистовый вопль. Он резко обернулся и увидел, как хозяйка гостиницы, прижимая к себе рыдающую девочку, в панике выбежала из-за прилавка. Её шпилька упала на пол. Позади них бежал здоровяк; увидев, как тот закатил глаза и, казалось, готов был превратиться в свирепый вихрь, Не Чэн решительно развернулся, прыгнул и, зажмурившись, сзади обхватил его за талию.

Тело здоровяка напряглось, голова механически повернулась назад. Увидев Не Чэна, глаза с щелчком вернулись в нормальное положение, и он замер.

Не Чэн, стараясь по возможности не ощущать могучую поясницу здоровяка, в очередной раз подтвердил свою догадку.

Он действительно мог свободно касаться живого цинцзы, и, более того, они почему-то его очень любили!

Не Чэн глубоко вдохнул. Какова бы ни была причина, он осторожно развернул здоровяка лицом к себе.

Затем Не Чэн склонил голову набок и вдруг заулыбался во весь рот.

Здоровяк уставился на улыбку Не Чэна; в горле у него снова раздался странный вибрирующий звук. Он позволил Не Чэну взять себя за окровавленную руку и шаг за шагом пошел следом.

Краем глаза Не Чэн заметил кое-что и, не меняя выражения лица, остановился.

— Я тебе нравлюсь? — Не Чэн смотрел на здоровяка с блестящими глазами, словно простой и наивный маленький даос.

Здоровяк явно не понимал, о чем говорит Не Чэн, но видя, как изменилось его выражение лица по сравнению с тем, когда Не Чэн ругался матом, издал в горле несколько вибрирующих звуков, словно отвечая.

Не Чэн улыбнулся еще шире, достал светло-розовую ленту, которую раньше выдернул из левого глаза Цинь Фэйфэна, помахал ею и сказал:

— Давай сыграем в игру.

С этими словами он первым делом завязал ленту себе на глаза, затем на ощупь протянул руку, сделал вид, что ищет что-то в воздухе, и наконец схватил здоровяка перед собой:

— Хе-хей, попался!

Не Чэн с радостным видом снял ленту и добавил:

— Ну вот, я выиграл. Теперь твоя очередь.

Затем, краем глаза следя за выражением лица здоровяка, начал подносить ленту к его глазам.

Когда Не Чэн уже был почти у цели, его внезапно дернули за рукав.

У Не Чэна екнуло сердце, но это оказался Цинь Фэйфэн.

На самом деле, когда Не Чэн обхватил здоровяка за талию, он чувствовал, что Цинь Фэйфэн всё это время смотрит на него. Он догадывался, что тот, возможно, понял, как его использовали, чтобы отвлечь книжника, и сейчас недоволен, но тогда было не до него. Не Чэн не ожидал, что он вмешается сейчас.

Цинь Фэйфэн нахмурился, глядя на ленту в руке Не Чэна, и глухо произнес:

— Это Не Чэн мне дал.

Не Чэн, не отрывая взгляда от здоровяка, спокойно успокоил Цинь Фэйфэна:

— Одолжу на минуточку, потом верну.

Сказав это, он дал Цинь Фэйфэну время прийти в себя.

Однако, сколько бы Не Чэн ни ждал, Цинь Фэйфэн не отпускал его.

Не Чэн уже собрался что-то сказать, как вдруг заметил, что глазные яблоки здоровяка шевельнулись; казалось, он собирался обернуться к Цинь Фэйфэну. Не Чэн поспешно шагнул, загородив собой здоровяка, а затем, хотя и не повышая голоса, холодным тоном, лишенным всякого тепла, обратился к Цинь Фэйфэну:

— Отпусти.

С тех пор как они встретились, Цинь Фэйфэн немало раз выводил Не Чэна из себя, но тот никогда еще не видел такого ледяного выражения его лица. Цинь Фэйфэн с опаской посмотрел на него, взгляд его метался, и наконец рука, сжимавшая рукав Не Чэна, медленно разжалась.

Не Чэн больше не обращал на него внимания. С улыбкой он завязал ленту на глазах здоровяка, взял его за руку и показал, как нужно повторить его действия:

— Ну вот, теперь ты меня ищешь. Если найдешь... будет награда.

Здоровяк, услышав веселый голос Не Чэна, издал несколько странных вибрирующих звуков, выражающих возбуждение, и правда начал подражать Не Чэну, на ощупь шаря в воздухе.

И в тот момент, когда здоровяк, раззявив па, полную острых зубов, с возбужденным видом схватил Не Чэна, тот уже поднял с земли шпильку, оброненную хозяйкой. С улыбкой на губах, но с жестоким блеском в глазах он без колебаний вонзил её в точку шэньтин здоровяка.

Раз это был «живой» цинцзы, то и смертельные точки у него были такие же, как у живого человека.

С резким свистом, словно рассеивалась злоба, здоровяк с торчащей из головы шпилькой покачался и наконец с грохотом рухнул на землю.

Книжник, который был в обмороке, как раз в это время смутно приподнялся. Очнувшись и открыв глаза, первым делом он увидел Не Чэна, забрызганного черной кровью, и не успевшее

скрыться свирепое выражение его лица, после чего вновь издал звук «у-а-а» и потерял сознание.

Не Чэну было не до него. Он долго смотрел на неподвижное тело здоровяка, подавив в себе непонятное чувство, затем наклонился и с безразличным видом снял ленту с его глаз.

— Возьми.

Не Чэн повернулся к стоявшему неподалеку Цинь Фэйфэну и протянул ленту.

Но Цинь Фэйфэн смотрел прямо перед собой, о чем-то задумавшись, и не спешил брать.

Не Чэн про себя вздохнул. Он понимал, что сам виноват: сначала использовал этого дурачка. Чтобы разрядить обстановку, он снова изобразил снисходительную улыбку:

— Тебя, наверное, побили? Иди ко мне, я тебе тоже...

Он не успел сказать «подую», как вдруг замер.

Цинь Фэйфэн отвернулся и, прихрамывая, ушел.

Не Чэн с открытым ртом смотрел ему в спину и с обидой думал: «Неужели с нынешними дурачками так трудно возиться!?!»

Не Чэн шел следом за Цинь Фэйфэном, утешая себя тем, что у него нет скрытых мотивов: он просто хотел посмотреть, куда этот дурачка направляется. Вдруг он решит свести счеты с жизнью, и тогда Не Чэн незаслуженно понесет ответственность за чью-то смерть.

Так Цинь Фэйфэн бродил без цели, а Не Чэн с увлечением подглядывал. Даже когда Цинь Фэйфэн стоял у обочины, справляя малую нужду, Не Чэн не отрывал взгляда и с восхищением отмечал, что поза у дурачка вполне стандартная: держится за нужное место, а по окончании даже знает, что надо встряхнуть. Единственным недостатком было то, что набедренная повязка была завязана криво, и всё вывалилось наружу; Не Чэну так и хотелось подойти и поправить её.

Спустя почти час Цинь Фэйфэн наконец остановился. Но не где-нибудь, а перед огромной кучей мусора, похожей на небольшую гору.

Это, должно быть, было место, где жители у подножия Горы Недолголетия сваливали нечистоты. Не Чэн еще издали учуял зловоние и невольно поморщился. Особенно когда он увидел, что Цинь Фэйфэн, постояв немного в оцепенении, согнулся и полез внутрь.

Не Чэн не выдержал.

Он подскочил, схватил Цинь Фэйфэна, оттащил назад и, прищурившись, накинулся на него:

— Тебе нравится возиться с этой грязью? Я вчера зря старался, чтобы ты выглядел как человек? Если тебе так нравится унижаться, то хотя бы сними одежду, которую я тебе дал! Надень обратно свои лохмотья!

Сначала Цинь Фэйфэн с удивлением посмотрел на внезапно появившегося Не Чэна, затем взгляд его стал пустым, словно он пытался осмыслить сказанное.

Потом он сжал губы и молча начал стягивать с себя одежду.

Не Чэн от злости стиснул зубы; на душе у него стало еще тяжелее. Это же он, с дрожащей полупарализованной правой рукой, по стежке переделал для него эту одежду. Как он мог так просто от неё отказаться? Разве у него нет совести?

Не Чэн не понимал, что с ним происходит. По логике вещей, он и Цинь Фэйфэн были чужаками; он просто из жалости несколько раз помог ему. Когда тот уйдет из гостиницы, они снова станут чужими людьми. Но почему-то, глядя на то, как Цинь Фэйфэн без всякого сожаления от всего отказывается, он не мог справиться с эмоциями.

Не Чэн крепко перехватил руку Цинь Фэйфэна, сдиравшего одежду, глубоко вдохнул и сказал:

— Что с тобой такое? Скажи мне.

Цинь Фэйфэн опустил глаза и спустя некоторое время ответил:

— Я... домой.

Не Чэн на миг замер, потом понял и от возмущения у него завелись глаза:

— Ты называешь это вонючее место домом?

Цинь Фэйфэн поднял голову и, подумав, серьезно ответил:

— Здесь тепло.

Не Чэн растерялся, но тут же спросил:

— А в гостинице не тепло? Почему ты тогда ушел, когда я с тобой разговаривал?

Цинь Фэйфэн опустил голову и не ответил.

Не Чэн подумал, достал ленту и помахал ею:

— Из-за того, что я надел эту штуку на того злодея?

Услышав это, Цинь Фэйфэн вдруг посмотрел на него. В его единственном глазе читалось упрямство; он помолчал, а затем с трудом выдавил:

— Грязная.

<http://bllate.org/book/16908/1556869>